

В амбарах памяти не отделить зерна от плевел

БЛОУИН Ф., РОЗЕНБЕРГ У. (2017). ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПРОШЛОГО: «ПОДЛИННОСТЬ» ДЛЯ ИСТОРИКОВ И АРХИВИСТОВ / ПЕР. С АНГЛ. Ю. КНЯЗЬКИНОЙ, Е. ШРАГИ. СПБ.: ИЗД-ВО ЕУСПБ. 376 С. ISBN 978-5-94380-227-0

Борис Илизаров

Доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет
Главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН
Адрес: ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, г. Москва, Российская Федерация 117292
E-mail: b_ilizarov@mail.ru

Елена Булюлина

Доктор исторических наук, профессор кафедры корпоративного управления,
Волгоградский институт управления — филиал РАНХиГС
Адрес: ул. Герцена, д. 10, г. Волгоград, Российская Федерация 400078
E-mail: bulyulina@mail.ru

Два профессора Мичиганского университета, архивист Френсис Блоуин (Francis X. Blouin Jr.) и историк Уильям Розенберг (William G. Rosenberg), в своей книге заявляют, что фундаментальная связь между профессиями историка и архивиста, основывающаяся на сформированном примерно с середины XIX века едином концептуальном и методологическом пространстве, в настоящее время разорвана, и настала необходимость «преодолеть раскол» между историками и архивистами. Авторы называют это расхождение между работой, профессиональной подготовкой и взглядами историков и архивистов «профессиональным размежеванием». Анализу причин этого явления и возможностям его преодоления и посвящена их монография.

Для отечественного исследователя это заявление кажется малоубедительным, и не только потому, что организованный в СССР еще в 1930 году, т. е. почти 90 лет назад, и существующий поныне в составе РГГУ Московский государственный историко-архивный институт давно и успешно преодолевает этот раскол, готовя двуединых специалистов — «историков-архивистов». Многие выпускники этого института заняли ведущие позиции в исторической науке и архивном деле благодаря особенностям подготовки. До настоящего времени ни в Европе, ни в США аналогичного высшего учебного заведения и специальности нет.

Одним из инструментов для решения задачи «профессионального размежевания» авторы избрали понятие «социальная память», которое, по их мнению, из-

© Илизаров Б. С., 2019

© Булюлина Е. В., 2019

© Центр фундаментальной социологии, 2019

DOI: 10.17323/1728-192X-2019-1-266-271

менило «научное понимание способов аналитической обработки прошлого» (с. 13, 140 и др.). Кроме того, авторы взяли на себя смелость утверждать, что они якобы продолжили давнюю западноевропейскую традицию в области изучения и развития «социальной памяти». Глава шестая книги «Проблемы социальной памяти» (с. 136–161) целиком посвящена этой теме; немало места она занимает и в других ее разделах. Авторы уходят от серьезного историографического анализа затрагиваемых проблем, что создает у читателя ложное представление о том, когда и кто поднимал эти вопросы на Западе и в СССР, а затем в современной России. Всячески избегая научной полемики, они раз за разом постулируют некие положения, подкрепляя их примерами, которые редко когда находятся в связи с декларируемыми тезисами.

Говоря о ключевом понятии «социальная память», авторы не останавливаются на вопросе о том, кто его впервые употребил и в каком контексте, но зато отважно предлагают свою характеристику: «Тогда *что же* такое социальная память? Как нам следует понимать этот заезженный и нередко клишированный концепт?.. Если социальная память есть нечто большее, чем просто аналитическое построение, где мы можем увидеть ее авторитетную роль в воссоздании прошлого?» (с. 140). Кто и когда успел «заездить» этот концепт, из книги также совершенно не ясно, тем более что впервые это понятие было употреблено по научным меркам сравнительно недавно, в 1966 году, в СССР прибалтийским философом Я. Е. Ребане¹, а затем развито в работах целого ряда исследователей и в особенности выдающегося отечественного социолога Ю. А. Левады². Большинство отечественных исследователей считают, что социальная память — это внешняя память по отношению к памяти индивида, но каждый наполнял это понятие своим содержанием, исходя из того, какие явления языка и культуры являются главными факторами накопления и использования информации о прошлом.

Иное наполнение это понятие получило в докторской диссертации и работах Б. С. Илизарова. Социальная память рассматривалась как становление и развитие в исторической перспективе специализированных учреждений-депозитариев (государственных, общественных и личных архивов, библиотек, музеев и т. д.), предназначенных для сбора, накопления и использования ретроспективной информации. В рамках этой концепции память живых людей, язык, наука, культура находятся в разных позициях по отношению к базовым элементам социальной памяти³. В таком понимании оно было зафиксировано в «Энциклопедическом

1. Ребане Я. К. (1966). О некоторых принципах подхода к анализу общественной информации // Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по философии. 10. Вып. 187. С. 3–12; Ребане Я. К. (1977). Принцип социальной памяти // Философские науки. № 5. С. 97–100; Ребане Я. К. (1982). Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации познания // Вопросы философии. № 8. С. 46.

2. Левада Ю. А. (1969). Историческое сознание и научный метод // Гулыга А. В., Левада Ю. А. (ред.). Философские проблемы исторической науки. М.: Наука. С. 203–213.

3. Илизаров Б. С. (1980). Архив как элемент социальной памяти // Актуальные проблемы советского архивоведения. Вып. 2. М.: МГИАИ. С. 151–163; Илизаров Б. С. (1984). Актуальные теоретические

словаре», изданном в 1995 году⁴. За последние сорок лет появилось значительное количество литературы, как социологического, так и психологического и историко-архивного характера, развивающей это направление. Ни о чем подобном авторы или не подозревают, или решили замолчать и выступить в роли первопроходцев. А между тем с началом политики перестройки второй половины 1980-х годов и возобновившихся научных контактов с западноевропейскими учеными идея социальной памяти стала проникать и в их среду, вызвав вал работ на эту тему. Только в библиотеке Мичиганского университета рецензенты насчитали более тысячи наименований. До конца 1980-х годов европейские и американские специалисты предпочитали рассуждать о соотношении науки истории с памятью индивидуальной и групповой. Когда же идея социальной памяти стала все более модной по обе стороны океана, европейцы припомнили забытую (в подлинном смысле этого слова) работу французского социолога М. Хальбвакса «Социальные рамки памяти»⁵. Работу перевели на русский язык в 2007 году⁶, и она стала достоянием научной общественности. С тех пор ряд исследователей у нас, и особенно за рубежом, в том числе и авторы рецензируемой книги, старательно пытаются представить дело так, что новаторская для своего времени книга посвящена именно «социальной памяти». На самом же деле речь идет о первой попытке сформулировать понятие о внешней, для отдельного человека, памяти коллективов, включающей его в различные профессиональные и иные сообщества. Кроме этого достоинства работы Хальбвакса страдают упрощенным психологизмом начала XX века, не дают точек опоры для развития новых идей, а потому и были надолго забыты даже соотечественниками. В СССР за железным занавесом не были доступны и более значимые труды зарубежных исследователей, а потому приходилось отталкиваться от философских идей, в том числе К. Маркса, посвященных анализу передачи культурного наследия человечества. Формат рецензии не позволяет более подробно остановиться на проблеме феномена социальной памяти с современных позиций.

Бросается в глаза, что авторы слабо владеют не только русскоязычной, но и западноевропейской литературой, хотя и апеллируют к истории и публицистике последних десятилетий. Здесь же надо отметить, что на протяжении почти 400-страничной книги нет ни одного примера, почерпнутого из исторических или архивоведческих работ и подкрепляющего абстрактно изложенные тезисы. Авторы почему-то предпочли приводить иллюстрации, взятые из североамериканской художественной литературы и публицистики, не имеющие отношения к заявленной теме.

и методологические проблемы советского архивоведения. М.: МГИАИ; Илизаров Б. С. (1987). Социальные функции архивов СССР: дисс. ... д.и.н.: 05.25.02. М.

4. Осипов Г. В. (ред.). (1995). Энциклопедический социологический словарь. М.: Изд-во ИСПИ РАН. С. 520–522.

5. Halbwachs M. (1925). Les Cadres de la memoire. Paris: F. Alcan.

6. Хальбвакс М. (2007). Социальные рамки памяти / Пер. с франц. С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство. См. также: Хальбвакс М. (2005). Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. № 2/3. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения: 09.01.2019).

Увы, не только авторы излагают свой материал хаотично и неудобоваримо, крайне неудачен перевод книги. Переводчики плохо владеют русскоязычной научной терминологией и предлагают читателю довольствоваться наскоро подобранными безобразными кальками: «Архивы могут стать опорой такой валидации, если практики отбора и репрезентации фондов в том или ином смысле наделяют аутентичностью доминирующие тропы мемориальных нарративов» (с. 158) и др. Или еще одно: «Когда „мистические струны“ памяти вступают в противоречие с ведущими нарративами, а новые интерпретации уходят от общественного понимания природы прошлого и утвержденных исторических оценок, значение самих архивных источников становится под сомнение» (с. 161). Цитаты можно продолжить. Когда нечего сказать по существу, то начинают апеллировать к «мистике».

Справедливости ради необходимо отметить некоторые положительные стороны исследования Блоуина и Розенберга. Авторы книги аргументированно оспаривают распространенную точку зрения, согласно которой архивы и архивисты обычно рассматриваются в качестве вспомогательных средств для исторического исследования, тогда как историк — как активное действующее лицо в производстве исторического знания. По мнению авторов, в ходе формирования архива, как традиционного, так и электронного, строится концепция и самого архива, и учреждений-фондообразователей, и воплощаются те категории, в свете которых осмысливаются архивные материалы. Архивисты точно так же, как историки и другие ученые, постоянно участвуют в процессе создания материала, из которого делается история. Это происходит на всех этапах работы архивистов с документами: отбора, организации, описания и использования (доступа к документам). Архивисты постоянно взаимодействуют с документами, определяя, *что* именно будущие поколения будут знать как летопись прошлого.

Очень важным, на наш взгляд, являются рассуждения авторов книги на тему архивной политики. Государственные архивы в любой стране мира создаются политической и административной властью и призваны обслуживать интересы государства. Правила и порядки этих архивов так или иначе определяются государственными указами или законами. Однако негосударственные, менее формальные архивы могут также оказаться практически недоступными для исследователей (доступ к материалам осуществляется по усмотрению владельцев; право на получение информации в них никак не защищено). Архивное законодательство никак не может регулировать то, как архивисты будут его толковать и воплощать в жизнь в ходе выполнения возложенных на них обязанностей (с. 243). Отношения историка и архивиста, замечают авторы, — это по сути своей этические, а не юридические отношения. «Те, кто создает и сохраняет историческую летопись, несут на себе большую моральную, социальную, политическую и юридическую ответственность, справляться с которой помогает в первую очередь личное осознание того, что от этой работы зависит, как понимается прошлое» (с. 259).

В конце концов авторы приходят к выводу, что «профессиональное размежевание» историков и архивистов преодолимо. (Мы-то в этом не сомневались.) С точ-

ки зрения историков, это преодолимо в силу следующих обстоятельств: понимание архивных практик, процессов и путей их развития является краеугольным камнем исторического осмысления архивных фондов; серьезная историческая работа требует наведения мостов между архивами и историей, ученым необходимо глубже вникнуть в специфические архивные процессы, научиться читать не только документы, но и «архивную ткань» (то есть тот концептуальный и культурный контекст, в котором создаются, обрабатываются, оцениваются, отбираются и сохраняются архивные источники). С точки зрения архивистов, это преодолимо, потому что предназначение всех архивных институтов продолжает оставаться историческим, в самом широком смысле этого слова, независимо от степени их близости интересам и потребностям историков. Историчность, внутренне присущая архивам, приводит к мысли о том, что понимать, какие вопросы к документам могут поставить историки, не менее важно, чем уметь оценить происхождение и содержание документов. Архивисты смогут выполнять свою важную функцию только при условии, если они понимают исторические проблемы, заключенные во вверенных им материалах.

Какие же пути преодоления этого размежевания предлагают авторы? По большому счету только один — совместную работу историков и архивистов по созданию «современных интерактивных поисковых инструментов». Эта работа должна вестись на добровольных началах, независимо от деятельности архивистов в области усовершенствования научно-справочного аппарата архивов, «параллельно». На сайтах, организованных по типу YouTube, исследователи будут «делиться своими открытиями, сообщать об ошибках или проблемах с документами и файлами или добавлять ссылки на документы или цитаты», а архивисты — «тщательно контролировать» эту деятельность (с. 305). В результате будут созданы такие «параллельные поисковые системы», что исследователь сможет «просто» послать запрос, который «завершится выдачей ряда ссылок на документы с соответствующей записью контекстуальной информацией».

Откровенно говоря, этот рецепт вызывает большое недоумение. Не ясно, чем же будут так мотивированы историки, чтобы тратить время на «посты» относительно своей эвристической деятельности, а архивисты — на их комментарии? В альтруистическое желание быть «глубоко вовлеченным... в архивные дескриптивные процессы» (с. 307) как-то слабо верится, впрочем, как и в то, что подобного рода деятельность может привести к созданию реально эффективных поисковых инструментов.

In the Barns of Memory One Cannot Separate Wheat from Chaff

Boris Ilizarov

Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Research Fellow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences

Address: Dmitry Ulyanov str., 19, Moscow, Russian Federation 117292

E-mail: b_ilizarov@mail.ru

Elena Bulyulina

Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Corporate Governance, Volgograd Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Address: Herzen str., 10, Volgograd, Russian Federation 400078

E-mail: bulyulina@mail.ru

Book review: Francis X. Blouin Jr., William G. Rosenberg, *Proiskhozhdenie proshlogo: "podlinnost" dlia istorikov i arkhivistov* [Processing the Past: Changing Authorities in History and the Archives] (Saint Petersburg: EU Press, 2017) (in Russian).